

НЕМНОГИМ более года назад в обиходе тех, кто имеет отношение к сценическому искусству, появилось новое понятие — «театральный эксперимент». Четыре ленинградских коллектива включились в это иском еще не опробованное дело, наряду с рядом других трупп страны, экспериментируя, ища оптимальный режим сочетания творческого и хозяйственного начала.

И вот один сезон «театрального эксперимента» позади. Начался [проверка рассчита-

— Начнем все-таки с самого основного вопроса, который, надо признаться, не до конца ясен многим: в чем состоит эксперимент?

— Коротко — в предоставлении театру большей самостоятельности. Театр освободился от многоголовой и мелочной опеки. Судите сами: раньше касса отчетность о работе шла по 11 пунктам. Туда входили и доходы, и расходы, и количество зрителей, и количество спектаклей, и капитальный ремонт, и уж не знаю что не входило. Ныне отчет состоит только из трех пунктов: количество зрителей, выполнение финансового плана и размер дотации.

Далее. Мы не зависим ни от управлений, ни от министерства в выборе репертуара и при сладе спектаклей. Готовность показать работу на зрителе определяет художественный совет, избранный коллективом.

Еще одно — мы совершенно не связаны теперь количеством спектаклей, которые должны выпустить за сезон. Мы их можем выпустить ровно столько, сколько считаем нужным для выполнения финансового плана и количества зрителей. Хоть один, хоть двадцать — решение принадлежит нам и только нам, коллективу, художественному совету. И вот вам живой и реальный пример. Мы недавно одну из постановок довели до генеральной репетиции и... решили вообще не показывать зрителям: не получилось. Что же, театр — дело вообще экспериментальное, возможны неудачи, провалы. Прежде, связанные обязательным количеством спектаклей, мы бы дотягивали эту работу до премьеры, заведомо яля на брак. А сейчас, не связанные этим показателем, могли коллективно решить: считать неудачей, премьеру отменить.

Уже годовая практика работы по «театральному эксперименту» показывает, что коллектив обрел творческую свободу и независимость, вернувшись к истокам своей театральной природы.

— Вы сказали о творческой сущности самой театральной природы. Это неизбежно предполагает и соперничество, и талантливости, и горсть неудачи менее одаренного. В этом — одна из очень жесто-

ких сторон всякой творческой деятельности, а театральный коллектив, где все ежевечерне выносится на зрительский суд, в особенности. Успех, неуспех... Работа по эксперименту как-то снимает эту остроту?

— А надо ли ее снимать? Вот в нашем театре в течение десяти лет проводился опыт по переименованию труппы. Систе-

на на два года] второй, когда можно уже с основанием судить о сильных и слабых сторонах проекта реорганизации работы театральных коллективов. Об этом мы и беседуем сегодня с руководителем участвующего в эксперименте Театра имени В. Ф. Комиссаржевской заместителем председателя правления Ленинградской организации Союза театральных деятелей РСФСР Рубеном Сергеевичем АГАМИРЗЯНОМ.

— А как сегодня вы вообще смотрите на демократию внутритеатральную? Ведь на ней сейчас, как нам всем известно, споткнулись многие коллективы. Никогда не было столько конфликтов, нарастающих творчество даже сильных театров.

— Мне кажется, в театрах немало анархии, демократии еще надо учиться. Мы видим,

го и мужского состава актеров было один к трем (10 женщин, 30 мужчин), как того требует сложившаяся практика драматургии. На одного актера держали только двух человек обслуживающего персонала. Всего в театре обычно работало 120—130 человек. А сейчас у нас — 218, не считая 40 совместителей, и это при том, что в труппе только 54 актера.

— И вы ничего не можете предпринять?

— Дело в том, что театры, участвующие в эксперименте, получающие большие возможности для материального стимулирования коллектива. Мы можем теперь платить более высокие премии, устанавливать надбавки, выплачивать вознаграждения за общие результа-

спектакль, как «Диктатура совети», уже много лет не спадает интерес к исторической трилогии А. Толстого. Билеты на длинный двухчасовой спектакль «Дни Турбиных» также пользуются у зрителей большим спросом.

— Однако уже год прошел, а нельзя сказать, что в репертуаре ленинградских театров, работающих по эксперименту, появилось много спектаклей-событий, особенно на современную тему.

— Да, это важнейший вопрос. Ведь эксперимент в конечном итоге производится ради повышения качества спектаклей. В этом плане он еще не сказался на репертуаре ленинградских театров. Но, пожалуй, еще и не мог сказаться. Начнем с того, что цикл рождения спектакля требует 6—8 месяцев — практически сезон. Поэтому то, что было выбрано нами самостоятельно в стадии эксперимента, только-только сейчас может появиться на сцене. Для нас, например, этот отчет начнется со спектакля «Мир без китов» молодого драматурга А. Яхонтова — произведения, отражающего перестройку в сердцах и судьбах людей. Его мы покажем зрителям в декабре. Спектакль «Рыжая кобыла с колокольчиком» И. Дружбы любители театра увидят в конце января.

Кроме того, должен сказать, что всякое новое театральное дело начинается с драматургии. А на драматургическом фронте сейчас пока затишье. Правда, уже свою новую пьесу «Дальше... дальше... дальше!» Михаил Шатров, с которым нас связывает давняя творческая дружба, передал нашему театру. В двадцатых числах декабря автор прочтет ее труппе и художественному совету, после чего будут решены сроки выпуска спектакля.

Рассчитываем также, что премьеры новых пьес Григория Горина и Александра Галина тоже состоятся у нас. Возлагаем большие надежды и на постановку, уже находящуюся в работе, — последнюю пьесу ленинградского драматурга И. Дворецкого «Колыма». Премьера должна состояться в конце марта 1988 года.

Вот когда можно будет судить, насколько удался эксперимент и по линии творческой. Стоит ли его распространять на все театры страны и что надо принять, а что отбросить. Страна перестраивается, перестраивается и театр. Пути этой перестройки мы ищем все вместе, в нашей будничной работе, в нашей повседневной практике театра.

Беседу вел
М. ИЛЬИНА,
К. КЛЕВЕНСКАЯ

ТЕАТР И МЫ. РАЗГОВОР О НАСУЩНОМ

ЭКСПЕРИМЕНТ: НАДЕЖДЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

ма, издавна существующая в вузах, тогда «примирялась» на театральные коллективы. Каждые пять лет актер проходил переаттестацию в определенном порядке: избранная самим коллективом компетентная комиссия гласно решала, сколько нужен он труппе. Десять лет — срок, как вы сами понимаете, немалый, опыт оттачивался, теперь он введен во всех театрах. Но что получается у них на первых порах? Вот я слышу встревоженные возгласы коллег: подумайте, в Ленинграде два актера не прошли переизбрание! Ужас! А я считаю странным — почему только два? Не может такого быть, чтобы все без исключения актеры ленинградских театров соответствовали уровню творческого профессионализма.

Да, переизбрание — одна из самых болезненных точек. За время, когда мы «обкатывались» в своем коллективе эту практику, у нас некоторые актеры не проходили переизбрание по разным причинам — творческим и этическим. Но атмосфера переизбрания зависит от микроклимата в коллективе. Все нормально, когда руководителем имеет авторитет, владеет ситуацией, выступает с открытым забралом, когда все заинтересованы в деле. А иначе — да — переизбрание может стать сведением личных счетов, а этого не исключают!

что на всеобщее обсуждение выплескиваются меркие дразги. А надо ли это? Продукция театров, их брак, когда он есть, провалы репертуарной линии, несомненно, должны выноситься на суд общественности. Гласность тут — помощь коллективу. Но понятие «за кулисами» потому и приобрело расширительный смысл, что знание закулисной жизни разрушает волшебный мир, без которого не может существовать театр.

— И все же от волшебной магии театра обратимся к расчетам. Вы работаете на самокупаемость?

— Нет. По условиям эксперимента, мы по-прежнему получаем от государства дотацию, небольшую, но получаем.

— А вот в Москве открылся ряд новых молодых театров, которые работают на самокупаемость. И зарплата там часто выше, чем во многих наших театрах. Как же так? Почему все театры не могут перейти на хозяйчет?

— Я скажу о своем театре. Дело в том, что при выполнении финансового плана, при стопроцентной посещаемости спектаклей доход все равно не может покрыть расходы. Ведь у маленьких театров-студий небольшой штат, а при наших штатных условиях...

Как раньше составляли труппы известные русские антрепренеры? Соотношение женско-

ты работы по итогам года. Но в то же время мы не можем сократить раздутые штаты. Когда в 1966 году я пришел в этот театр, здесь, например, был один человек, успешно выполнявший обязанности секретаря дирекции, машинистки, отдела кадров, а ныне эту работу делают трое. Был тогда в театре один инженер, комплексно следивший за всеми техническими делами театра. Теперь инженеров — три. Принятое еще в тридцатые годы трудовое законодательство не дает возможности разгрузить театр от ненужных ему людей. И вот в этой невозможности формировать штатное расписание — полочность характера проводимого эксперимента. Законодательные акты пришли в противоречие с практикой работы театров.

— А как складываются в условиях эксперимента отношения театра и зрителя? Ведь пока ощутимо только одно — повысились цены на билеты.

— Да, мы получили право повышать цены до 50 процентов. Но делаем это достаточно осторожно — на самые популярные спектакли, на выходные дни. И должен сказать, что у нас практически на все спектакли — и более сложные, и более развлекательные — почти всегда собирается полный зал. С успехом идет такой серьезный публицистический